

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ «С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»: СМЕНА ВЕКТОРА

В.А. Корсун

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье представлен анализ общественно-политической обстановки и социально-экономического положения в пореформенном Китае. В высшей степени оригинальный, опыт Китая, переживающего одновременно процессы модернизации и архаизации, даёт много мыслительного материала в опровержение концепции однолинейности исторического процесса. Сущностные характеристики китайской элиты и причины её устойчивости рассматриваются автором на основе экскурса в историю конфуцианской государственности.

По мнению автора, в результате многотысячелетнего селективного отбора через экзаменационную систему и благодаря преобладанию стратagemной ментальности, в Китае сложилась не особая политическая культура, а национальная модель управленческого поведения, базирующаяся на «моральном консенсусе» формирующих элиту кланов, которые относятся к двум фракциям, «шанхайской» и «комсомольской». Современный партократический режим КНР унаследовал многие негативные черты, присущие бывшей советской «номенклатуре», но сформировал специфически китайский механизм «мягкого» перехода власти от поколения к поколению. Одновременно происходит взаимное сращивание политической и бизнес элит, в результате чего интересы государства и общества всё более подчиняются их корпоративным целям. Это привело к появлению движения так называемых «новых левых», выступающих против нерациональной распределительной системы. Усложнение социально-экономических структур и усиление новых противоречий и конфликтов в обществе ставят на повестку дня необходимость демократизации и формирования новой, нетрадиционной политической системы.

Ключевые слова: устойчивость конфуцианской государственности, каноны протеста, перманентная революция, бюрократический капитал, советские образцы, эзопов язык, реформы сверху, потенциал социальных протестов, ротация, индекс Джини, коррупция по-китайски, петиции и жалобы, этнический сепаратизм, «новые левые», Веб-культура, «китайская мечта», революция зонтиков.

Неизменный интерес отечественных и зарубежных исследователей вызывает фундаментальный вопрос о причинах поразительной устойчивости китайского типа организации государства и общества, сохраняющего на протяжении многих веков черты локальной цивилизации первичного типа, то есть «доосевого времени». К таковым элементам можно отнести обожествление императора, предельную принужденность отдельного индивида перед государством и природой, примат ритуала, выполнение этикой функции права, неотделённость философии и науки от религии, отсутствие дифференциации профанного и трансцендентального миров, ущербный статус политики на фоне культа семьи и клана и пр.

Китай благополучно избежал характерного для подобных цивилизаций риска гибели и предания забвению грандиозных культовых комплексов вместе с крушением государств и, более того, продемонстрировал удивительные способности к саморегулированию, ассимиляции чужеродных элементов и регенерации собственных институтов и идей после серьёзнейших катаклизмов. Можно сказать, что оплодотворившее Китай конфуцианское социально-этическое учение, со временем приобретшее универсальное значение, придало китайской государственной конструкции уникальную стабильность. Конфуцианство сыграло роль того духовного «озарения», которое дало специфически китайский ответ на сформулированную К. Ясперсом философему «напряжённости между мирским и трансцендентальным порядками в её институциональном отражении, породившем новый тип социальной и цивилизационной динамики в истории человечества» [14, р. 297]. Устойчивость государственности обеспечивалась культурой, склонной к гармонизации миропорядка и к компромиссам во имя самосохранения в любой ситуации.

Конфуцианские социально-этические нормы нацелены на достижение идеального общества *Датун* (Великая гармония) или *Тайпин* (Великое спокойствие). Это строго упорядоченный социум, где каждый обязан выполнять социальную роль, заданную или социальным рангом, или степенью семейного родства, т.е. *мин* (предопределением). По определению выдающегося западного мыслителя Бертрانا Рассела, конфуцианство с его идеалом государства-семьи во главе с совершенным правителем, окружённым честными, благородными и мудрыми чиновниками, не знающими иных помыслов, кроме служения народу – это «душа китайской цивилизации» [16, р. 251].

В формировании правящей касты огромную роль сыграла концепция *Мандата Неба*, согласно которой Небо вручает мандат на правление Поднебесной и титул *Сына Неба* тому правителю, который обладает сакральным *Дэ* (добродетель, харизма, благопристойность). *Дэ* можно накапливать и утрачивать (подобно индийской карме). Если своим безнравственным поведением, забвением основных функций устройства государства,

пренебрежением мудростью достойных и приближением к себе корыстолюбцев правитель растерял *Дэ*, то Небо лишает его мандата на власть. После чего включается механизм, концептуальное оформление которого приписывают последователю Конфуция Мэн-цзы: по сигналу Неба народ обретает право свергнуть ставшего нелегитимным правителя, то есть производить насильственную «смену Мандата» (в иероглифах – *гэмин*, в современном китайском языке – «революция»). Казалось бы, подобная идеология, освящённая авторитетом государственной религии, должна была заложить мину замедленного действия под любую династию, обрекая на «перманентную революцию» жизнь многих поколений китайцев, наблюдающих за сигналами Неба.

Однако стержнем подобной иерархизированной идеократии у конфуцианцев выступают не «социально активные» народные низы и простолудины, «своекорыстные и не ведающие человеколюбия». Любопытно, что из 24 сменивших друг друга династий, по крайней мере 6 основали вожди крестьянских восстаний, а не когорты «аристократов духа», отгородившихся от народа китайской стеной иероглифической грамотности и выполнявших функцию «жрецов-хранителей огня», строго следивших за соблюдением правителем высоких стандартов «благородного мужа» – цзюньцзы. Не случайна сентенция Мэн-цзы: «Одни напрягают (свой) ум, другие напрягают мускулы. Те, кто напрягает (свой) ум, управляют людьми, а те, кто напрягает (свои) мускулы, управляются (другими). Управляемые содержат тех, кто ими управляет. А те, кто управляет людьми, содержатся теми, кем они управляют. Таков всеобщий закон в Поднебесной» [7, с. 238]. Принципы конфуцианства заключались в обеспечении покорности низов и умелом применении «рук и ног народа» в интересах «благородных». Нерасчленённое моноцентрическое пространство управления исключает сколько-нибудь широкое участие масс; это сфера деятельности региональных кланов, которые по мере удовлетворения верховной властью их запросов отказываются от политических амбиций и довольствуются подменой политики администрированием. Китайский император, воплощавший в одном лице и верховного жреца, и администратора, и главного мудреца, литератора и мецената, и главнокомандующего, и верховного арбитра, выступал гарантом сохранения государственного ядра против энтропии.

Следует подчеркнуть, что богатство истории, а вернее историческая память о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания (не случайно «брэндом» правления Си Цзиньпина стала идея «великого возрождения китайской нации» или «китайская мечта»), выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой психологической защиты и идентификации социума. История, таким образом, лишает функциональной значимости «политику», которая в западном понимании этого слова в принципе чужда китайской культуре,

ибо государство в Китае всегда было институтом скорее этическим, чем политическим. Для современного китайца, независимо от места его проживания, а также от степени его осведомлённости о тонкостях и деталях исторического процесса, образ величайшей в мире империи и ощущение сопричастности к этой цивилизации являются источником впечатляющего патриотизма, ещё более увеличивающегося традиционной привязанностью к своей семье, клану, землячеству. Не имея правовых гарантий по защите собственности и даже жизни в условиях восточной деспотии, китаец вынужден был искать опору в клановой пирамиде «большой семьи», на вершине которой находился *лаобань* (патриарх), добившийся почёта, славы и богатства. Гигантская многоступенчатая система селекции на основе экзаменов обеспечивала дополнительную прочность и устойчивость всей конструкции. Она не только гарантировала высокий уровень образования чиновников и высокое качество администрирования, но и служила методом проверки благонадёжности претендентов на вакансии в разветвлённом бюрократическом аппарате, воздействовала на умы образованной части общества, способствовала обновлению и ротации чиновничьего аппарата.

Таким образом, социальная активность народных масс китайского суперэтноса как цивилизации, ориентированной на канон, канализировалась в направлении повторяющегося алгоритма насильственной смены злого «синего» неба на доброе «жёлтое», также подчинённого этическим шаблонам. В условиях дефицита социальной стабильности и значимости протестного потенциала имели место многочисленные восстания, однако следует констатировать, что формы протеста были канонизированы в паттерн-ритуал, обладавший исторической преемственностью. К эволюционным особенностям китайского феномена социального протеста относятся институты легитимации центральной власти (на основе теории небесного мандата) и передачи требований «трону» с нижнего социального яруса (петиции).

Пространственно-временной и исторический анализы позволяют выявить такие устойчивые образцы протестного поведения, как:

- взятие на себя роли «детонатора» в условиях аграрного перенаселения люмпенскими элементами;
- бегство в районы сосредоточения повстанцев на стыке границ провинций;
- всплески движений антифореинистского бойкота и антимиссионерских выступлений по чётко детерминированному властями графику. Далеко не единичные случаи самоубийства с целью обречь обидчика на преследование со стороны «духа умершего», массовые петиционные компании с отправкой ко двору запечатанных отрубленных пальцев, взрывное повышение социальной активности учащихся в период экзаменационной сессии, огромное количество критических памфлетов с элементами «эзопова языка», спонсируемых каким-то кланом и пр.

Все эти институты, вдохновлённые конфуцианской идеей справедливого государственного устройства и укоренённые в историческом опыте государственного строительства, дают ключ к пониманию природы некоторых направлений современного протестного движения.

Крах в 1911 г. имперской бюрократической пирамиды и традиционных устоев, отмена (с 1905 г.) экзаменационной системы, всеобщий хаос и отчаяние направили целые поколения молодых амбициозных китайцев, в первую очередь из среды оказавшихся не у дел *шэньши* (представителей служилого сословия), на стезю профессиональных революционеров и/или милитаристов. Они превратили XX в., прошедший под лозунгом «винтовка рождает власть», в период перманентных социальных турбуленций, когда едва ли не каждое поколение китайцев имело свою «культурную революцию». С другой стороны, складывалась система сращивания традиционно политически нейтральных предпринимательских кругов «буржуазных анклавов» Китая и гоминьдановской правящей прослойки, удачно определённая выдающимся отечественным китаеведом А.В. Меликсетовым как феномен «китайского бюрократического капитала», олицетворяющий «единство власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки» [6, с. 253].

Победив в борьбе за право монопольного обладания знаменем возрождения китайской нации в 1949 г., КПК («новая династия, пришедшая с Севера») стала интенсивно копировать опыт СССР, конституируя новую государственность как республика советского типа, для которой характерно формальное верховенство представительных органов над иерархической системой других органов государства, объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами партийного руководства или исполнительными структурами.

Новая элита скрупулёзно переняла советскую номенклатурную систему льгот и привилегий, спецраспределителей и спецпайков, эксклюзивного здравоохранения и отдыха, заграничных командировок. Всё это накладывалось на комплекс острых социально-экономических и политических проблем, с которыми столкнулась КПК: низкий уровень развития производительных сил, крайняя бедность, поголовная безграмотность, скудность экономических ресурсов, сильное влияние традиционной идеологии, патриархальных обычаев и этноцентристских предрассудков.

Оказавшись между «жерновками» идеологической и военно-политической конфронтации биполярного мира, Китай, материковая часть которого была объединена под властью КПК, а Тайвань остался под контролем Гоминьдана, приступил к поиску путей преодоления многовековой отсталости. Социальное недовольство жёстко пресекалось механизмом тоталитарного контроля

и репрессий. КПК, партия *большевистского типа*, допускала лишь бухаринскую форму «двухпартийной системы»: одна партия – в Кремле, другая – на Колыме. В этих условиях протест против режима выражался через литературу и искусство или с университетской кафедры, но крайне осторожно, «эзоповым языком», к пониманию завуалированного смысла которого китайский обыватель был приучен веками. Словесная и иероглифическая эквилибристика, базирующаяся на зрительном восприятии информации, когда один и тот же текст можно наполнить разными символами и смыслами, а обилие омонимов позволяет любой комплимент обратить в оскорбление и наоборот, достигла небывалых высот.

Вектор развития, к которому подталкивала Китай либеральная мысль, сводился к проведению крупномасштабных демократических реформ и смене модели власти с авторитарной «социалистической демократии» на плюралистическую рыночную демократию западного образца. Зарубежные образцы, в том числе такие «витрины капитализма», как Гонконг и Тайвань, диктовали необходимость отказа КПК от монополии на власть, распространение в обществе власти закона, формирование институтов и механизмов, обеспечивающих учёт специфических интересов новых источников политической инициативы. При этом мало кто задавался вопросом, какая политическая сила, кроме КПК, способна обеспечить рост и стабильность, и не возникнет ли с ликвидацией монополии КПК на власть идеологический вакуум, не приведёт ли стремительное усиление влияния неподготовленных к управлению страной разнородных националистических сил, которые в условиях недостаточной грамотности населения смогут легко манипулировать общественным сознанием, создавая угрозу хаоса и коллапса?

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. в результате сложного сочетания различных факторов КНР удалось перейти к «реформам сверху». Знаменательной вехой в политической жизни, вытеснившей из сознания китайцев даже «Великую Октябрьскую Социалистическую революцию 1917 г.» и «Освобождение 1949 г.», стал судьбоносный III пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). На пленуме было провозглашено, что «практика – единственный критерий истины», из чего сделан вывод о необходимости концентрации усилий на модернизации и экономическом строительстве. КПК переносила центр приложения усилий с «классовой борьбы» на «экономическую реформу и политику открытости». Экономическая реформа началась по классической для тоталитарных режимов схеме, как мобилизующая установка, инициированная руководящими кадровыми работниками, политиками и экономистами. Были озвучены тезисы о «раскрепощении сознания», об «отделении права собственности от права хозяйствования» и о «самосовершенствовании социалистической системы» при сохранении в качестве устоев на-

родного хозяйства общественной собственности, государственного сектора экономики и плановой основы. Образно это можно представить в виде «клетки с птицей», где птица – экономика, клетка – централизованное планирование и регулирование, а продувающий её воздух – конкуренция и рыночная стихия.

Победа в конце 1970-х гг. «линии Дэн Сяопина», предполагавшей преобразование плановой государственной экономики в рыночную и открытость страны внешнему миру усилили потенциал социальных протестов и расширили их диапазон. Сохраняя словесную и ритуальную верность «идеям социализма», новое руководство, по сути, пошло на деидеологизацию политики, обеспечив себе свободу рук и выдвинув на первый план патриотические идеи строительства «богатого и могучего» Китая. Когда КПК приступила к строительству «социализма с китайской спецификой», инициаторам реформ удалось убедить общество в целесообразности:

- отодвинуть в сторону идеологические дебаты по поводу характера реформ;
- признать, что рынок может быть одинаково полезен как для капитализма, так и для социализма;

- временно согласиться с неизбежностью неравномерного обогащения разных групп, прежде чем будет создано однородное общество.

Долгие годы крестьянство добивалось отказа от уравнительного распределения результатов труда в «народных коммунах» и перехода к уравнительному распределению земельных угодий. Поэтому когда в 1984 г. КПК объявила о закреплении подрядных земельных наделов за крестьянскими дворами, а земля вне городов была объявлена в пользовании (не в частной собственности) «коллектива сельских жителей» (это понятие до сих пор не конкретизировано), наступила некоторая стабилизация. Волна всплеск социального протеста в городах и голодных бунтов в деревнях пошла на спад. Стало затухать студенческое движение под лозунгами борьбы с инфляцией, бюрократией, nepотизмом и коррупцией, за политические реформы и демократизацию всех сторон жизни. Известные трагические «события на Тяньаньмэнь» апреля–июня 1989 г. (по определению китайской пропаганды, «контрреволюционный антисоциалистический мятеж») – фактически последнее массовое всекитайское выступление трудящихся. Этот протест явственно показал, что половинчатость и непоследовательность реформ чреваты мощным социальным взрывом в масштабах всей страны. 1989–1992 гг. стали годами растерянности власти, затормаживания хозяйственных преобразований, наведения порядка путём «закручивания гаек» (компании борьбы против «буржуазного либерализма» и «духовного загрязнения»), а также мучительного перехода к «социалистической рыночной экономике».

Практически в течение почти 20 лет после 1989 г. руководству КНР удавалось поддерживать

политическую стабильность за счёт поддержания высоких темпов экономического роста в условиях либерализации и глобализации экономики. Исключения составляли локальные всплески недовольства, вызванные нерасторопностью властей в условиях эпидемий, ухудшением экологической обстановки, а также выступления на национальной почве уйгуров и тибетцев. Можно констатировать, что в этот период прямой внутренней угрозы власти КПК не существовало.

Устоявшиеся атрибуты прежней ортодоксальной системы сохраняются. Едва ли не единственным достижением, свидетельствующим о развитии китайской политической системы в созидательном русле, является организованный и спокойный процесс ротации лидера страны, что в прошлом сопровождалось открытым «путчи́змом» и обострением далеко не подковёрной фракционной и личностной борьбы претендентов.

Быстрое наращивание ВВП, главным образом за счёт использования сравнительных преимуществ Китая – дешевизны труда, капитала, земельных ресурсов, а также факторов конфуцианской психологии, оказавшейся по ряду параметров более адаптивной к экономическому росту, чем даже протестантская этика, позволило повысить жизненный уровень практически всех слоёв населения. Но со временем выявилось исчерпание потенциала доверия общества к рыночным реформам. Представители крупного капитала, мелкого и среднего бизнеса, образующегося по мере развития реформ среднего класса и формирующейся в условиях информационной глобализации новой интеллигенции продолжали оставаться в «подавляющем меньшинстве». Следовательно, они были вынуждены реализовывать свои интересы не через механизм многопартийной демократии, а путём коррупционного лоббирования в высших эшелонах власти, либо в виде мощной, но латентной «фиги в кармане». Разочарование большой части населения в реформах стало крепнуть особенно со второй половины 1990-х гг., когда госпредприятия были реформированы, и миллионы рабочих утратили «железную чашку риса», лишившись бесплатных социальных услуг.

С течением времени число тех, кто считает себя обделёнными и даже ограбленными в результате рыночных реформ, не только не убывало, но, напротив, росло, грозя полностью парализовать углубление масштабной модернизации, столкнувшись с активным сопротивлением тех, кто уже получил от неё по максимуму, и не встречая поддержки тех, кто разочаровался и отвернулся от модернизации. Настроение апатии китайского социума в начале XXI в. довольно удачно выразил исследователь из Фонда Карнеги Пэй Миньсинь: «Во многих ключевых аспектах гибридный неавторитарный порядок Китая мрачно демонстрирует патологии политической стагнации Советского Союза Леонида Брежнева и кумовского капитализма Индонезии Сухарто.

Всепроникающая коррупция, повязанное сговором местное чиновничество, цинизм элиты и лишённые иллюзий массы – всё это классические симптомы вырождения способности к управлению» [15].

Особенно удручающей становилась проблема имущественного неравенства и социального отчуждения, что негативно сказывается не только на движущих силах экономического роста, но, что не менее важно, на сплочённости и моральном духе китайского общества, на легитимности власти. С 1988 г. децильный коэффициент неравенства доходов вырос с 7,3 до 23, межотраслевые различия увеличились в 8 раз, межрегиональные – почти в 3 раза, соотношение среднего уровня доходов в городах и в деревне увеличилось против 2,52:1 в 1998 г. до 3,13:1 в 2011 г. Очевидно, что от экономического роста выиграли, прежде всего, неимоверно богатые торговцы недвижимостью, финансовые акулы, коррумпированные монополисты (по данным Форбс, по числу долларовых миллионеров Китай уступает только США). Львиную долю среди них составляют потомки и родственники политических лидеров, бывших и нынешних, из так называемой «партии принцев» [9].

Дополнительно усложняет ситуацию недостаточность вложений в социальное обеспечение, здравоохранение и образование, что углубляет разрыв в уровнях благосостояния богатых и бедных, чиновников и простого народа, горожан и крестьян, работников государственных и частных предприятий, разных отраслей экономики, начальства и подчинённых, жителей разных регионов. Неравенство усугубляется широко распространённой коррупцией, которая в Китае, в отличие от многих других стран, носит не индивидуальный, а усиливаемый nepотизмом клановый характер, что делает её особенно трудноискоренимой. В результате увеличивается поляризация общества, ценности темпов экономического роста всё более вытесняются приоритетностью проблем преодоления растущей социальной несправедливости и рационализации распределения доходов, что множит противоречия и конфликты. Особенно взрывоопасной представлялась ситуация в деревне, за чей счёт, собственно, и происходил подъём экономики, а сама она оказалась в плачевном положении. Как говорится в одной китайской публикации, «в отдельных местах город похож на Европу, а деревня – на Африку». Достаточно сказать, что если на горожан, составляющих около 45% жителей, приходилось в 2007 г. 74% объёма потребления населения, то на более чем 800 млн. крестьян – всего 25,6%, то есть практически в 3 раза меньше [19, с. 55].

Китайская элита, о чём свидетельствуют материалы практически всех съездов и пленумов ЦК КПК, начиная с 1978 г., несомненно, отдавала себе отчёт в наличии угрозы социальных волнений и опасности длительной консервации атрибутов становящейся анахронизмом политической системы. Предпринимались попытки

выработать адекватные меры по стабилизации политической власти и её спасению от «деградации». Было ясно, что сохранение социально-политической стабильности будет зависеть от того, удастся ли руководству поддержать высокие темпы экономического роста («китайский велосипед») и обеспечить складывание постоянно увеличивающегося среднего класса и гражданского общества в условиях либерализации и глобализации экономики; сможет ли Пекин предотвратить финансовые кризисы, сократить научно-техническое отставание от ведущих стран мира, осуществить реформы в деревне и отсталых районах и обеспечить выравнивание социального уровня их развития без ущерба для регионов-локомотивов экономики.

Положительную роль в решении этих проблем сыграла реализация масштабных преобразований, таких, как уравнивание в политических правах горожан и крестьян, когда выборы в ВСНП стали проходить на основе равных квот для жителей городов и сельской местности, а также постепенная ликвидация «сельскохозяйственной» прописки крестьян, допускающая их свободную миграцию по территории страны. Необходимо было снять потенциал недовольства, дав адекватный ответ на так называемые естественные угрозы: экологические катастрофы, стихийные бедствия, эпидемии «птичьего гриппа» и «атипичной пневмонии», проблемы народонаселения и «избыточного населения», нехватки воды, истощения пахотных земель и т.п.

В пореформенном Китае нарастает социальная напряжённость. В стране ежедневно происходят вспышки народного негодования. Анализ протестных мотиваций и протестных сообществ выявляет большую разнородность оппозиционных сил. Велика доля фрустрированных последствиями реформ, как материальными, так и ценностными потерями. Жители КНР выступают против плохой экологии, вредных производств, коррупции, тяжёлых условий труда, невыплат зарплат, отвратительного питания в столовых, обмана вкладчиков, насильственных сносов домов и изъятия земли без адекватных компенсаций, грубых действий полиции, преступного ВИЧ-инфицирования и т.д. Даже сегодня, несмотря на неоднократные разгоны протестующих, многие недовольные по традиции верят в институт петиций и жалоб. В Пекине есть «деревня жалобщиков», в которой, по данным правозащитников, постоянно проживают около десяти тысяч человек, многие из которых прибегают к различным формам протеста. Китайский Интернет полон информацией о протестах в разных районах страны.

Следует учитывать, что любой социальный протест в Китае – это не мирная демонстрация или флэш-моб в западной стране. Это, как правило, очень массовые выступления, огромный социальный «всплеск», когда «вечный спектакль» конфуцианской вежливости, конформизма, флюгерности и бесконфликтности резко сменяется взрывами ярости, агрессии и истерии, вплоть до

раздеваний догола и акций самосожжения. Разгул анархии кончается чаще всего перекрытием магистралей, и погромами с битьём окон и витрин магазинов, сожжением автомобилей.

Отдельные акции, даже относительно многочисленные и многочисленные, но лишённые общей платформы и координации, не рассматриваются китайской официальной социологией как протестное движение, их именуют «массовыми» и «сверхмассовыми инцидентами», объединяя с происшествиями, не связанными с выдвижением политических требований, но также вовлекших большое число участников. Социологическая служба КНР находится под полным контролем КПК и официально китайские власти не сообщают статистику по количеству народных протестов. По данным независимых исследователей, в год в Китае происходит от 100 до 200 тысяч актов народного возмущения с участием от десятков до тысяч человек. По разным подсчётам, количество массовых выступлений в Китае, в том числе забастовок с требованиями смены местного руководства, неуклонно растёт. Находящийся за рубежом Интернет-ресурс «Великая эпоха» сообщает, что лишённые поддержки протестующие терпят поражение от правительственных сил, и попытки добиться справедливых на взгляд участников протеста решений пропадают в неизвестности [3].

Особняком стоят движения национально-этнического и этно-религиозного сепаратизма (автономизации) в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах, где компактно проживающие национальные меньшинства выдвигают требования расширения культурной и политико-административной автономии вплоть до сецессии. Этот сегмент протестного движения не имеет шансов выйти на общенациональный уровень, но несёт серьёзные риски не только (и не столько) социальной стабильности, сколько национальной безопасности. Высокая степень эскалации насилия отмечалась во время беспорядков в Лхасе в 2008 г. и в Урумчи в 2009 г. Не случайно реализация поправок к закону об удостоверении личности граждан, предусматривающего наличие обязательной информации об отпечатках пальцев, началась именно с АРТ и СУАР.

Если острота тибетского вопроса существенно снизилась после 2010 г., когда Далай-лама снял с себя светские полномочия, то уйгурская проблема продолжает оставаться концентрированным воплощением трёх вызовов современности: этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма. В последние годы, на фоне роста безработицы и уголовной преступности, под влиянием феномена ИГИЛ активизировались уйгурские боевики, получающие пожертвования из-за рубежа, а также доходы от наркоторговли и рыночного бандитизма. В ряде городов СУАР они провели серию терактов с использованием взрывчатки, холодного и огнестрельного оружия против руководящих работников и сотрудников местных исполнительных и правоохранительных органов, военнослужащих ханьской националь-

ности, в результате чего погибли несколько десятков, а иногда и сотен человек. Многие террористы были публично казнены, огромное количество объявлены в общенациональный розыск. Пекин начал использовать ответную тактику «жесткого удара», включая применение слезоточивого газа и оружия, постоянное полицейское патрулирование, случайные проверки личности прохожих и их обыск. В регион были направлены служащие элитного антитеррористического подразделения Народной вооружённой милиции «Снежный леопард», которое обеспечивало безопасность во время Олимпиады в 2008 г., были задействованы части НОАК (военный округ Ланьчжоу), министерство внутренних дел, министерство государственной безопасности, год назад созданный КГБ КНР.

Однако эти меры не предотвратили последующие трагедии как в самом СУАР, так и за его пределами. В октябре 2013 г. общественность КНР была потрясена произошедшим на площади Тяньаньмэнь в Пекине, где группа из трёх террористов на легковом автомобиле протаранила группу пешеходов и осталась в горящем транспортном средстве. Погибли все радикалы и двое прохожих, десятки были ранены. Террористы подали ясный сигнал руководителям КПК: даже на самой охраняемой площади страны, вблизи от центра китайской политики – дворца Чжуннаньхай, можно совершить акт насилия и устрашения [5].

На фоне «потерянного десятилетия» 2002–2012 гг. (эпоха Ху и Вэня, или четвертое поколение руководителей), наиболее интересным феноменом современности стало растущее признание властью и обществом полифонии различных точек зрения по основным проблемам социально-политического развития страны. Повторяется уже не раз случавшаяся в истории Китая ситуация, когда низовые сегменты общества и их информационное обеспечение развиваются быстрее, чем контролирующая их политическая система. Но прежде, даже во время «весны гласности» 1980-х гг., в КНР не наблюдались доступная миллионам читателей, прежде всего блогосферы, открытая идейная полемика между представителями различных течений общественной мысли, критика тех или иных мер правительства, полемические суждения по вопросам внутренней и внешней политики, навешивание ярлыков и обмен открытыми оскорблениями между различными информационными изданиями и их ведущими авторами. Новый китайский тандем Си Цзиньпин – Ли Кэцян послал обществу сигнал о намерении следовать курсом реформ и открытости, намеченным Дэн Сяопином по схеме «переходить реку, нащупывая под ногами камни». Но указание «архитектора реформ» *бу чжэнлунь* («не дискутировать») перестало соблюдаться явочным порядком. Само существование де-факто огромного количества оппозиционных изданий и атмосфера идейного брожения являются результатом своеобразного переходного состояния китайского

общества, в котором многое существует в силу неопределённости, недосказанности, неясных границ дозволенности.

Существенной характеристикой сегодняшней КНР стало беспрецедентное развитие Интернета (более 500 млн пользователей) и складывание особой цифровой политической культуры. Анализируя палитру идейных течений, приходится констатировать, что разброс и поляризация мнений также стали беспрецедентными. Канули в прошлое времена, когда при проведении курса на «реформы и открытость» не позволялось иметь никаких отклоняющихся мнений. Произошёл явный сдвиг от преобладания представителей лагеря «либералов» и «западников» к становлению мощного течения сторонников «новых левых» и приверженцев особой «китайской модели». Если в 1990-е гг. споры между «правыми» и «левыми» проходили в узком кругу учёных и интеллектуалов, и на «левых» априори навешивался ярлык ретроградов, служителей «духа Янъани» и противников реформ, то в новом веке, благодаря современным коммуникационным технологиям и появлению коммерческой прессы, ситуация заметно усложнилась. Символическим лидером либерального лагеря является нобелевский лауреат Лю Сяобо, отбывающий тюремное заключение по обвинению в антикитайской деятельности, а наиболее яркими представителями – художник-диссидент Ай Вэйвэй и электронный портал «Выборы и управление в Китае». Произошёл всплеск ортодоксального маоизма, подъём великокитайского национализма, но ведущее место среди общественных течений заняли представители новой интеллектуальной силы – «новых левых» (их наиболее влиятельным флагманом стал портал «Утопия»).

Концептуальные построения «новых левых» аккумулируют идеологические построения целого кластера течений: от идей, близких европейской социал-демократии, к постмодернистам, левым консерваторам, сторонникам статус-кво и, наконец, экономическим националистам. Эти идеи накладываются на распространение обеспокоенности и недовольства экономической и социальной неопределённостью. Современную ситуацию в Китае и в мире «новые левые» критикуют с позиций, напоминающих западных антиглобалистов. Примечательно, что значительную часть учёных, принадлежащих к этому течению, составляют интеллектуалы, вернувшиеся в Китай после учёбы или длительной работы в ведущих западных университетах, разочаровавшиеся в «западных ценностях» и пришедшие к выводу, что «Запад Китаю не указ». Именно они критикуют усилия правительственных либералов, направленные на дальнейшее открытие экономики зарубежному капиталу и продвижение приватизации госпредприятий, пересмотр либералами новейшей истории Китая с антимаоистских позиций и т.д.

В отличие от «старых левых», считающих рыночные преобразования экономики «отхо-

дом от марксизма и возрождением капитализма», «новые» не чужаются либерализации общественной жизни, допускают многообразие форм собственности, но категорически выступают против попыток сторонников социал-дарвинистского мейнстрима исключить социализм из идейной сокровищницы современного человечества. Так, известный китайский социолог профессор университета Цинхуа Сунь Липин упрекает сторонников углубления реформ в том, что они упускают «некоторые чрезвычайно ценные для человеческой цивилизации элементы... В результате формирование бездуховного сознания превращается в чистую погоню за прибылью, за деньгами. Избавление от тотальной уравниловки оборачивается оправданием чрезмерного разрыва между бедными и богатыми. Однобокий упор на эффективность служит доводом в пользу искоренения в обществе равенства и справедливости. А тактика прагматичных реформ прикрывает неразборчивость в средствах» [11].

Сайт правых либералов, вынужденный базироваться на зарубежном сервере под новым названием «Политическое развитие Китая», и информационный ресурс «Утопия» неоднократно блокировались и запрещались «за злонамеренные выпады в адрес руководителей страны». Поэтому в тональности их выступлений всегда чувствуется сильная самоцензура. Настоящая весна для «новых левых» наступила тогда, когда они нашли давно ожидаемого харизматического лидера, к тому же обладающего серьёзным административным и финансовым ресурсом, в лице Бо Силая, также относящегося к «принцам» партийного руководителя одного из крупнейших городов страны – Чунцина.

В 2009 г. в «красной столице Китая» Чунцине произошёл так называемый «инцидент 15-го октября». Некий съезд представителей из более чем двадцати провинций КНР от организаций, называвших себя идейными последователями Мао Цзэдуна, заявил о создании новой партии. Съезд был разогнан властями, а четверо организаторов осуждены на тюремное заключение сроками от 5 до 10 лет [12]. Видимо, Бо Силай стремился усилить своё влияние и обеспечить более высокий пост на предстоящем съезде КПК, а «левые», популяризируя «чунцинскую модель» и публикуя (часто в иносказательной форме) призывы назначить Бо новым премьер-министром, попытались громко заявить о себе. «Чунцинская модель» оказалась в эпицентре идейного брожения как альтернатива политике центральных властей и политический вызов руководству в Пекине. Драматическое снятие Бо Силая со всех постов и крушение его пресловутой «модели» нанесло серьёзный ущерб позициям и претензиям левых [4].

Антиподом Бо Силая выступил бывший секретарь парткома провинции Гуандун, ныне вице-премьер Госсовета Ван Ян, позиционирующий себя как рыночник и демократ. Он приобрёл популярность после беспрецедентной истории,

которая произошла в сентябре 2011 г. Жители деревни Макань (почти 7 тыс. человек), возмущённые нечестной продажей земли, не оставались на привычных протестах, а выгнали главу райкома, занимавшего эту должность 47 лет, и выбрали новым партийным лидером своего вожака. Деревня была заблокирована вооружённой полицией, один из задержанных демонстрантов после трёхдневного заключения скончался, но Ван Ян признал требования крестьян обоснованными и законными, и отказался от дальнейшего применения силы против протестантов. Арестованных отпустили, демонстрации прекратились, и к концу года конфликт был улажен: прежний коррумпированный сельский комитет отправили в отставку, прямым и тайным голосованием избрали новые органы сельского самоуправления, в которые вошли организаторы протестов. Столь мирное и конструктивное отношение к массовым протестам нашло поддержку далеко не всюду, но способствовало созданию Ван Яну репутации «защитника демократии» и даже борца с центром. «Сын простого рабочего» Ван Ян, помимо прочего, не подкрашивает волосы, как это принято у китайских руководителей от главы райкома и выше, бросая своей сединой «либеральный вызов» единообразному партаппарату. После случившегося он был переведён на работу в Пекин. Его место занял перемещённый с поста партийного секретаря АРВМ Ху Чуньхуа, а на пост секретаря парткома Чунцина был переведен из Цзилиня Сунь Чжэнцай – две «восходящие звезды» китайского ареопага, которые, по всей вероятности, составят правящий тандем «шестого поколения» руководства КНР.

Неоднородность протестного движения в КНР, отсутствие альтернативного лидера, способного консолидировать оппозицию, снижает общую эффективность протестов, воздействие которых на правительство имеет всего лишь дисперсный характер. Как отмечают некоторые китайские авторы, порой прослеживается и сознательная стратегия руководства КПК, состоящая в том, чтобы исподтишка поддерживать левых и правых радикалов, которые должны уравновешивать друг друга, подавляя умеренных и центристов [18]. Каждое из крыльев «идеологической» оппозиции, имея «зеркального» противника, много сил отдаёт борьбе с ним, а не с правительством. Предпринимаемые диссидентами попытки создания НПО неизменно заканчиваются разгромом инициативных групп, арестами и депортациями. С другой стороны, происходит интенсификация международных контактов китайских «несогласных» и развивается система неформальной коммуникации через Интернет в самом Китае. Поэтому возможность «собираения» отдельных протестных сообществ в более крупные неформальные общности в принципе не исключена, что может служить угрозой выживанию существующей политической системы. Другая угроза исходит от борьбы за власть между различными группировками правящей элиты.

Долгое существование особой идеологической и политической платформы в крупном центре провинциального масштаба могло восприниматься как следствие недостаточного единства и сплочённости центрального руководства. Поэтому после репрессий против Бо Силая основные усилия китайского руководства и пропаганды КНР были направлены на опровержение «клеветнических измышлений и слухов» в СМИ и в Интернете о предполагаемом расколе в коллегиальных руководящих органах партии и государства. Большое внимание уделяется сохранению лояльности к высшим органам КПК в партии. Поставлена цель не допускать распространения радикализма и политического либерализма. В преддверие 18-го съезда партии СМИ изобиливали материалами об «арабской весне», в которых просматривалась параллель с угрозой «цветных революций» в Китае. Много говорится о стремлении США подготовить в Китае «пятую колонну». При этом подчёркивается, что именно мобильные телефоны, компьютеры и социальные сети «помогли арабскому миру изменить цвет» [2]. Дошло до того, что в январе 2012 г. группа представителей китайской общественности, среди которых были научные работники, университетские профессора и журналисты, обратились в Постоянный комитет ВСНП с предложением восстановить изъятую в 1982 г. статью Конституции КНР о наказании изменников Родины в условиях усиливающегося идейно-политического давления извне [20].

На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) и на сессии ВСНП (март 2013 г.) произошло обновление китайского партийного руководства: Генсеком ЦК КПК, Председателем КНР и Председателем ЦВС КНР стал Си Цзиньпин, а Премьером Госсовета — Ли Кэцян (соответственно, 1953 и 1955 гг. рождения). Вслед за тем, в подтверждение мнения экспертов, что между «шанхайцами» и «комсомольцами» складывается новый баланс по формуле «одна партия — две фракции», в государственной политике и идеологии появились новые тенденции и приоритеты. Впрочем, КПК предпочитает не выносить проблемы на публику, подчёркивая свою монолитность и общенародность. Эти черты были продемонстрированы во время суда над Бо Силаем, когда его развенчание и ниспровержение не связывалось с политикой и идеологией. Он был обвинён в коррупции и злоупотреблении административными полномочиями и осуждён на пожизненное заключение.

Набатом для нового руководства КПК прозвучало выступление профессора университета Цинхуа Сунь Липина «3013: прогнозы и стратегия». Сунь Липин заявил, что в стране множатся массовые акции протеста, забастовки, волнения, демонстрации, и если компартия упустит шанс порвать со своим прошлым и не принесёт покаяния, то через пять или, самое большее, десять лет произойдёт катастрофа.

Констатируется рост жалоб в центральные органы власти на действия чиновников партийно-государственного аппарата на местном уровне,

а также так называемых «социальных инцидентов», то есть протестных акций населения. В ряде случаев они подавлялись местными властями с неоправданной жестокостью, что вызывало растущее недовольство общественности и Центра. По данным одной из американских правозащитных организаций, в 2013 г. в КНР было приведено в исполнение в общей сложности 2400 смертных приговоров [17]. Алармистское предупреждение Сунь Липина о том, что начавшаяся «тихая революция» уже привела к падению доверия к власти и снижению управляемости, было воспринято вполне серьёзно, учитывая высокий авторитет профессора, который, помимо прочего, был научным руководителем докторской диссертации Си Цзиньпина. Не случайно на первой же встрече с журналистами новый генеральный секретарь, подчёркивая необходимость усилить борьбу с коррупцией, оторванностью от народа, формализмом и бюрократизмом, призвал партию «очнуться».

Сознавая существование в обществе запроса на «справедливость и эгалитаризм», новое Политбюро на одном из своих первых заседаний приняло постановление с призывом к пуританским нравам и строгому стилю партийного руководства. В нём сказано о необходимости покончить с расточительством и раздуванием расходов на официальные мероприятия, обычаем взаимных угощений (в результате разорились почти 30% ресторанов) и вручения дорогих подарков, излишествами и злоупотреблениями в использовании служебного транспорта, с пустословием и пустозвонством в работе партийных органов и отдельных функционеров. Пример показал Си Цзиньпин, который устранив Бо Силая, в популистском стиле поднял его «розовое» знамя и реализует его программу, с оглядкой на завет Мао «Ни в коем случае не отрываться от масс!». Вопреки обыкновению, при передвижении автомобильного кортежа руководителя партии и государства в поездке по стране заблаговременно не перекрывались дороги, не выставлялись многочисленные посты охраны, не организовывались пышные встречи и проводы с подношением букетов школьниками и расстиланием ковровых дорожек. Китайская блогосфера пролила слезу умиления, когда при посещении воинской части в Гуанъчжоу, Си сам взял поднос, выбрал еду, сел вместе с солдатами, а посетив без предупреждения ярмарку вакансий в Тяньцзине, лично побеседовал с будущими выпускниками [18]. Совещания стали проходить в подчеркнуто сухом, деловом стиле, без привычных цветов и вечнозеленых растений на сцене и пространных комплиментарных выступлений. Новацией и даже в некотором роде сенсацией стало появление в открытом доступе большого количества бытовой и семейной информации о членах высшего руководства партии и их близких (в частности, не делается секрета из того, что дочь Си от первого брака учится в Гарварде). Стало возможным обсуждать роль первой леди (знаменитой певицы

Пэн Лиюань) в общественной и духовной жизни страны. Правда, китайская общественность не упустила случая, чтобы создать культ «матери нации» в признание достоинств, добродетелей и стараний Пэн Лиюань [1, с. 3–18].

Самым заметным явлением в сфере политической идеологии стал концептуальный «бренд» Си Цзиньпина *чжунго мэн* (китайская мечта) – великое возрождение нации, выражающее чаяния нескольких поколений китайцев. На XVIII съезде КПК были провозглашены две «столетние цели»: к столетию создания КПК «завершить строительство *сяо кан* (общества малой зажиточности)», включая восстановление юрисдикции над Тайванем, а в середине века, к столетию образования КНР (2049), построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство», вернувшись к положению на начало XIX в., когда доля Китая в мировом валовом продукте составляла треть.

Бренд «китайская мечта» используется пропагандой как средство для укрепления внутривнутриполитического консенсуса и создания позитивного внешнего облика страны. Она должна воплощать стремление к национальному возрождению после унижений со стороны иностранных держав, начавшихся с опиумной войны 1840 г. Си Цзиньпин уже накопил опыт и внутреннего администрирования, и международного общения. Он зарекомендовал себя лидером, чья осторожность по отношению к политическим преобразованиям и консерватизм в идеологической сфере (напомним, что его комсомольская карьера приходится на период «культурной революции») не позволяют ожидать быстрых и заметных перемен. Более того, происходит укрепление позиций центристского дискурса в духе сближения верхов и низов, с акцентом на скромный и бережливый стиль управления как основу идейной стабильности в стране. Развернулась очередная кампания по борьбе с коррупцией, преследующая популистские цели. В Пекине осознают, что в условиях кризиса перепроизводства и сокращения темпов прироста ВВП критика реформ со стороны «новых левых» и осуждение мобилизационной экономики со стороны реформаторов грозят перечеркнуть всё, что было сделано под руководством партии за шесть десятилетий.

Предполагается, что тандем Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна будет находиться у власти в течение десятилетия. С точки зрения поддержания баланса интересов в руководстве и сдерживания авторитарных тенденций позитивную роль играет запрет на пожизненное пребывание на руководящих постах, введение регулярного обновления и омоложения состава руководящих работников, а также правило, согласно которому лидер КПК уже не имеет возможности назначать своего преемника единолично. В сложившихся условиях актуальная задача заключается в замене существующей модели экономического роста, опирающейся на дешёвую рабочую силу, экспорт,

высокие затраты капитала и природных ресурсов. Однако, как это уже неоднократно случалось в истории Китая, переход на менее ресурсоемкий, инновационный путь развития упёрся в политико-хозяйственную матрицу системы: преобладание ограниченных, неполноценных форм собственности, госсектор, олигархические банки, отставание процесса институциональной модернизации от темпов реформирования экономики, монополия 90-миллионной КПК на власть. Это ведёт к дальнейшей консолидации правящей элиты, усилению её замкнутости и обособленности, а, стало быть, и к углублению пропасти между относительно малочисленной верхушкой и широкими массами. Развёрнутая беспрецедентная по масштабам борьба с коррупцией в рамках кампании против «четырёх поветрий» (бюрократизма, формализма, расточительства, стремления к роскоши), затронувшая бывшего члена ПК ПБ ЦК КПК Чжоу Юнкана, члена ЦВС КНР генерал-лейтенанта Сюй Цайхоу и многих других высших чинов партии, госаппарата и армии, наводит на серьёзные размышления. Чжоу Юнкан был приговорён к пожизненному тюремному заключению с лишением политических прав и конфискацией личного имущества по обвинению в получении взяток, злоупотреблении служебным положением и умышленном разглашении государственной тайны. Однако складывается впечатление, что это – не «смертельная схватка» коррупцией, пронизывающей все поры и имманентно присущей китайской модели развития, а очередная многосложная операция против заговора Чжоу Юнкан – Бо Силай – Сюй Цайхоу, который был раскрыт в недрах теряющего былое могущество клана Цзян Цзэминя [9, с. 30–43].

Комплекс мер, предпринятых ядром «пятого поколения», несомненно, повысил уровень стабильности политического режима КНР. Полагаем, что в случае планомерной смены политических лидеров сущностных изменений режима ожидать не стоит, поскольку занимаемая сегодня китайским руководством позиция гибкой силы по отношению к проявлениям недовольства и социального протеста, видится оптимально соответствующей ресурсам официального Пекина. Признав ряд ошибок предшественников, но отстояв принципиальную верность генеральному курсу и внушив народному большинству надежду на исправление «перегибов» и светлое будущее, новые руководители КНР, вероятнее всего, продолжат консервативную линию мягкой модификации политической системы, обеспечивая гегемонию КПК. Опросы населения, пусть не всегда репрезентативные, но в целом воспроизводящие объективную картину, показывают, что большинству китайцев нравится жить в стране, «которая рвётся вперёд, которая побеждает». Это важнейший фактор развития Китая, который учитывает и пытается эксплуатировать Чжуннаньхай. Психология победителей, пронизывающая менталитет китайцев, является ценнейшим капиталом страны.

Неприятной неожиданностью, несколько омрачившей общую благодетную картину, стали для китайского руководства события в Сянгане (Гонконге) в середине первого десятилетия XXI в. Серия выступлений вынудила Пекин сменить главу правительства района на менее одиозную фигуру и – по крайней мере, на словах – заявить об открытости для диалога по поводу политической автономии Специального административного района Сянган (САРС). В день воссоединения Сянгана с Китаем 1 июня 2014 г. студентами и движением «Оккупай Централ» были организованы протесты. В июле движение провело Интернет-референдум, в котором приняли участие 800 тыс. человек (более 10% населения), а в конце сентября на улицы вышли десятки тысяч студентов, требуя отставки нынешнего главы Гонконга – Лянь Чжэнъина (Лён Чунгина – кантонский) и проведения в намеченных на 2017 г. выборов главы САРС «влияния Пекина» («революция зонтиков»). Звучали требования замены двухступенчатых выборов прямым голосованием.

Через несколько дней после начала волнений власти Китая отреагировали дипломатическими средствами, призвав США не вмешиваться во внутренние дела КНР. Официальные СМИ дружно заговорили о том, что «идёт генеральная обкатка отрепетированного сценария «цветных революций», и американские фонды тратят на эти цели миллиарды бюджетных долларов, тогда как экономика США трещит по швам» [12]. В дни гонконгских событий, особенно в годовщину «Тяньаньмэнь», большое количество публикаций было посвящено Майдану, с тем, чтобы показать, к чему приводят подобные волнения. В Пекине появилась бронетехника, резко увеличилось количество полицейских. Власти напоминали, что на улицах и в переулках, в общественных зданиях и магазинах оборудованы видекамеры; в столице около 300 тысяч камер видеонаблюдения. Пекин сделал всё, чтобы «бацилла» революции не перекинулась на материк. Был заблокирован Инстаграм и другие сетевые инструменты, в провинции Гуандун введён запрет на жёлтые ленточки и зонтики. Власти Гонконга не пошли на силовое подавление протестов. Они согласились на диалог, но идти на уступки отказались, сформировав мощное антипротестное движение («синие ленточки»). Уже в середине ноября протесты пошли на спад, протестующие покинули улицы Гонконга и примыкающего к нему полуострова Коулун, и полиция заявила о разборе баррикад.

В результате того, что политический протест в Гонконге, наряду с «тибетским вопросом» давно стал рутинно разыгрываемой картой в двусторонних отношениях США с КНР, достижение негласной договорённости, в чём большую роль сыграл уже упоминавшийся нами Ван Ян, попытки унижить власть и заставить её публично капитулировать, утратив подпитку со стороны Вашингтона, сошли на нет. Не будем утверждать, что власти континентального Китая используют САРС как некий китайский «Гайд Парк», но не исключено, что они рассматривают Гонконг в качестве потенциальной пилотной площадки по отработке прямых выборов и реализации декларируемой ещё Дэн Сяопином политической реформы с целью дальнейшего её распространения на всей территории Китая.

Усложнение социальных структур, появление новых и усиление имеющихся социальных противоречий обнаруживают необходимость расширения арсенала средств, пригодных для балансирования конфликтующих интересов. Реакция общества на падение темпов экономического развития уже обнаруживается в нагнетании социальной напряжённости и бегстве капитала. До поры до времени, сохранению социальной устойчивости способствуют факторы культурного наследия, такие как дисциплинированность и организованность китайцев, высоко ценящих моральные заповеди конфуцианства, присущее им чувство долга, умение неустанно трудиться, сохранять тысячелетнюю культуру труда и традиционные формы досуга, почтение к традициям и к старшим, умение довольствоваться малым и при постоянном стремлении к повышению социального статуса и к состоятельности. Следует также отметить приниженное положение личности и общественных институтов перед государством, подчинение интересов общества корпоративным интересам и широкое распространение *гуаньси* (система неформальных личных связей).

Традиционные морально-этические ценности, пронизанные стремлением к гармонии и бесконфликтности, основанные на умении довольствоваться малым, по некоторым креативным и инновационным параметрам превосходят «ценности протестантизма», описанные М. Вебером. Именно они помогают китайцам смягчить действие слепых сил рынка, снизить социальные издержки реформы и придать модернизационным процессам устойчивый и долговременный характер.

Список литературы

1. Бергер Я.М. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса / Проблемы Дальнего Востока. 2013. №1. С. 2–20.
2. Беседы китайских политэмигрантов по радио «Сиван чжи шэн» («Голос надежды») и многочисленными каналам.
3. Иванов И. За день в Китае произошло 30 народных протестов // Великая эпоха. 23.01.2013. <http://www.epochtimes.ru/content/view/70036/4/>

■ Политические науки

4. Корнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? / Проблемы Дальнего Востока. 2013, №3. С. 33–41; №4, с. 45–52.
5. Корсун В.А. Этнический сепаратизм в Китае / Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 440–467.
6. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М.: Наука, 1977. 316 с.
7. Мэн-цзы // Древнекитайская философия. В 2-х тт. т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 226–235.
8. Румянцев Е.Н. Некоторые тенденции внутриполитического развития Китая на фоне 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва / Проблемы Дальнего Востока. 2015. №1. С. 30–43.
9. У Цзинлянь. Вомэнь ши тичжи нэйдэ, бу сян гэмин (мы сами находимся внутри системы, мы не хотим революции). Чжунго циецзя. 2013. №5.
10. Суйдун Хань. Пора готовиться к Третьей мировой // Хуаньцю шибао. 12.09.2014.
11. Цзинцзи гуаньчабао. 08. 04.2012.
12. Чунцин даолу цзи ци цюньчжун чжици [Чунцинский путь и его поддержка масс Довэй синьвэнь ванн. 2013. 12 марта. URL: <http://opinion.dwnews.com/news/2013-03-12/59154681-all.html#page1>.
13. Ян Фанью. У ю чжи сян ши жухэ цзоу сян цзы цзо дэ? [Как Утопия дошла до левого радикализма? Интервью репортеру еженедельника] / Шидай чжоубао. 2012. 28 марта.
14. Eisenstadt S. The Axial Age: the Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics / Archives europeennes de sociologie. 1982. XXIII. №2. Pp. 294– 314.
15. Minxin Pei. China's Governance Crisis / Foreign Affairs. 2002. Sept./Oct. Vol. 81. №5.
16. Russel B. The Problem of China. L., 1922. 276 p.
17. Tatlow D.K. Estimated 2,400 Executions Last Year Put China Far Off Peak / The New York Times. 2014. 22 Oct.
18. Xi Jinping. Man of the People, Statesman of Vision. Available at: <http://english.caixin.com/2012-05-13/1005272297.html> (accessed: 27.12. 2012).
19. Zhongguo tongji nianjian (Статистический ежегодник Китая). 2008. Available at: <http://www.worldcat.org/title/zhongguo-keji-tongji-nianjian-china-statistical-yearbook-on-science-and-technology/oclc/646610683?referer=di&ht=edition> (accessed:27.12.2012).

Об авторе

Корсун Владимир Андреевич – к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: korsoun-vl@yandex.ru.

THE SOCIAL PROTEST «WITH CHINESE PARTICULARITY»: THE SHIFTING VECTOR

V.A. Korsun

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes current spiritual-political and socio-economic situation in postreform China with the emphasis on newest tendencies in the social feeling and conscience. Such a gigantic socio-cultural laboratory as China, with the processes of modernization and archaization proper to it, gives much material disproving conceptions of unilinear historical progress and brining to light the Chinese particularity. The content of China elite identity and the reasons of its stability and continuity are analyzed on the basis of a profound excursus into history of the evolution of the «Confucians way of governance», that quite differs from the European model. In consequence of thousands years of selective breeding through the examination system and the stratagem mentality there was created, in the author's opinion, not the political culture, but some type of the specific Chinese administrative behavior mode, based on «the moral consensus» between different clans of elite, this time leaded by Xi Jinping, and composed by the «shanghai» and the «komsomol» factions. Contemporary partocracy regime of PRC inherited all the negative characteristics of soviet «nomenclature» such as hierarchy career based on loyalty, bureaucracy privileges, special rations and advantages, nepotism, corruption and so on, but has created specific Chinese system of «soft» succession of power from generation to generation. At the same time, the confluence of political and business elites is taking place and the state and society interests are more and more subordinated to their corporative Ames, that provoke so called «new leftist» movement against the irrational redistribution system. The CCP new leadership exploits the «Chinese dream» rhetoric and anticorruption assault to get the national consensus*

and conserve its monopoly on political power. However, the social-economic structures sophistication and the new social contradictions and conflicts intensification, the now days economic crisis evidences about, draw attention to the crucial importance of democratization and creation of the new nontraditional political system for up to date diagnosis, softening and salvation of such conflicts.

Key words: Confucian state steadiness, protest patterns, permanent revolution, burocratic capital, soviet model, Aesop language, reforms from above, social protest potential, rotation, Jinnee index, china way of corruption, petitions and claims, ethnic separatism, new leftists, Web-culture, Chinese dream, Xi-Li versus Bo, patriot-traitor, umbrella revolution.

References

1. Berger Y.M. K itogam XVIII s'ezda CCP preymstvennost y obnoveniye kursa / Problemi Dalnego Vostoka. 2013. №1. S. 2–20. (In Russian)
2. Besyedi kitaiskih politemigrantov po radio «Xiwang zhi sheng» (Golos nadezhdi) y mnogochislennim ynim kanalam)
3. Ivanov I. Za den' v Kitae proizoshlo 30 narodnykh protestov [One day in China was 30 popular protests] Velikaya epokha <http://www.epochtimes.ru/content/view/70036/4/> (In Russian)
4. Korneyev A.N. «Chongchingskaya model»: chto eto bilo? ["Chongqing model": what was it?] Problemi Dalnego Vostoka. 2013, №3. Pp. 33–41; №4, Pp. 45–52. (In Russian)
5. Korsun V.A. Etnichesky separatism v Kitaye / Konflikty na Vostoke: etnicheskiye y natsionalniye [Ethnic separatism in China / East conflicts: ethnic and confessional]. M.: Aspect-Press, 2008. S. 440–467. (In Russian)
6. Meliksietov A.V. Socialno-ekonomicheskaya politika Gomindana v Kitaye [Socio-economic policy of the Kuomintang in China]. (1927–1949), M.: Nauka, 1977. 316 s. (In Russian)
7. «Mengzi». Drevnekitaiskaya filosofiya. V 2 t. T.1. M.: Мысль, 1972. S. 226–235. (In Russian)
8. Rumyantsev E.N. Nekotoriye tendencii vnutripoliticheskogo razvitiya Kitaya na fone 4-go plenuma CK CCP 18-go soziva [Some trends in China's political development on the background of the 4th Plenum of the CPC Central Committee 18th convocation]. Problemi Dalnego Vostoka, 2015, №1. (In Russian)
9. Wu Jihgliang. Women shi tizhi neide, bu xiang geming (Mi sami nakhodimsya vnutri sistemi, mi nye hotim revoliucii) [We ourselves are within the system, we do not want the revolution] / Zhongguo qiejia. 2013. №5.
10. Siuidun Khan'. Pora gotovit'sia k Tret'ei mirovoi []// Khuan'tsiu shibao. 12.09.2014.
11. Цзинцзи гуаньчабао. 08. 04.2012.
12. Chongqing daolu ji qionzhong zhichi (Chongqingsky puti y ego podderzhka mass) [Chongqing Road and its support of the masses]. / Doweixinwen wang. 2013. 12.03. URL: <http://opinion.dwnews.com/news/2013-03-12/59154681-all.html#page 1> (accessed 27.12.2012).
13. Yang Fanyou. Wuyou zhi xiang shi ruhe zou xiang zi zuo de? / Shidai zhoubao. 28.03.2012.
14. Eisenstadt S. The Axial Age: the Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics / Archives europeennes de sociologie. 1982, XXIII, №2.
15. Minxin Pei. China's Governance Crisis // Foreign Affairs. 2002. Sept./Oct. vol.81. № 5.
16. Russel B. The Problem of China. L., 1922. 276 p.
17. Tatlow D.K. Estimated 2,400 Executions Last Year Put China Far Off Peak / The New York Times. 2014. 22 Oct.
18. Xi Jinping: Man of the People, Statesman of Vision. Available at: <http://english.caixin.com/2012-05-13/1005272297.html> (accessed 27.12.2012).
19. Zhongguo tongji nianjian [Statisticheskii ezhegodnik Kitaia] [The statistical yearbook of China]. 2008. Available at: <http://www.worldcat.org/title/zhongguo-keji-tongji-nianjian-china-statistical-yearbook-on-science-and-technology/oclc/646610683?referer=di&ht=edition> (accessed: 27.12.2012).

About the author

Vladimir A. Korsun – Ph.D., Associate Professor, Department of Oriental Studies (University) MFA of Russia.
E-mail: korsoun-vl@yandex.ru.